

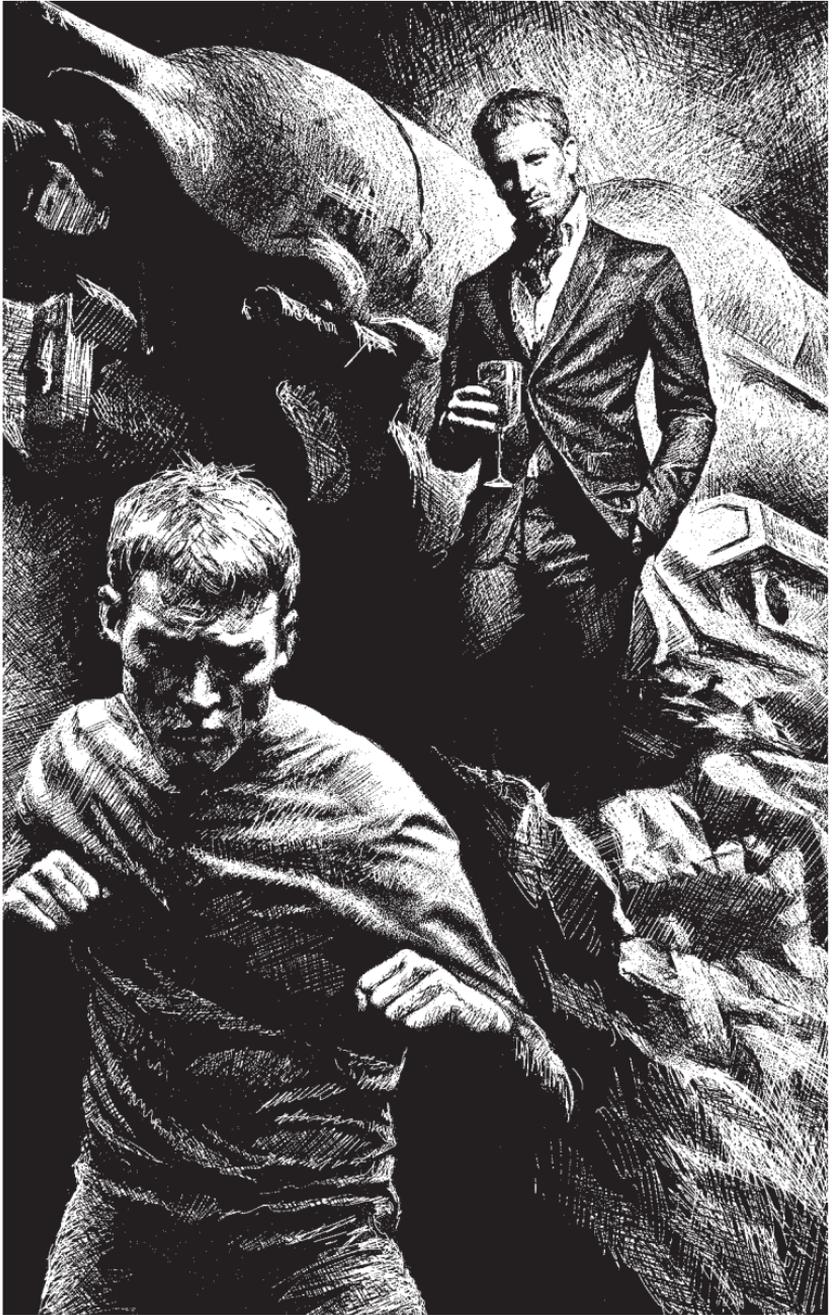

Книги Александра Быченина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**САФАРИ. РАЗВЕДКА БОЕМ
САФАРИ. ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ**

**ЕГЕРЬ
ЕГЕРЬ. ПОСЛЕДНИЙ БИЛЕТ В РАЙ**

ЧЕРНЫЙ АРХЕОЛОГ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР БЫЧЕНИН

ЧЕРНЫЙ
АРХЕОЛОГ

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 1992 году
Выпуск 869

Художник
В. Федоров

Быченин А. П.
Б95 Черный археолог: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1593-9

Бывший военный ксенопсихолог Павел Гаранин, вынужденный прозябать на планете Гемини-3 и зарабатывать средства к существованию боями без правил, и не предполагал, что однажды его жизнь круто изменится. Ему сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Вакансия координатора по работе с пассажирами на частном лайнере — что может быть лучше, особенно после нескольких лет, проведенных почти на самом дне? А то, что капитан и владелец корабля известный контрабандист и черный археолог, — мелочи по сравнению с возможностью выбраться из зыбкого болота, в котором, как оказалось, легче легкого очутиться, вылетев из армии после ранения, да еще и с «волчьим билетом». Именно так Паша и думал, давая согласие Пьеру Виньерону. Как показала практика, напрасно...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1593-9

© Быченин А. П., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

*Система 37-й Близнецов (Гемини-Прайм), планета
Гемини-3, Амьен, 5 мая 2541 года, вечер*

В голове звенело. Не знаю, как у вас, а у меня всегда в подобных случаях так, что неудивительно — оплеуху я словил знатную. Что-то ты рано расслабился, олух! Соберись, Паша, иначе не уйти тебе на своих двоих...

Оклемался я как раз вовремя, чтобы жестким блоком остановить очередной размашистый хук шустрого паренька подозрительной наружности. Двигался он быстро, но как-то дергано, не было в нем пластичности, что, на мой взгляд, для бойца не есть хорошо. Удары резкие, амплитудные, но одиночные, с заметными паузами, а потому вклиниться между атакующими конечностями не составляло труда, главное, ритм поймать, а дальше дело техники. Вот и сейчас, наткнувшись на препятствие предплечьем, он застыл на неуловимый миг, сжавшись перед взрывным вылеском энергии (надо сказать, малоэффективным), и с резким выдохом выбросил левый «крюк» — в полном соответствии с логикой поединка. Собственно, именно такого подарка я и ждал, а потому уверенно заблокировал бьющую руку верхним ган сао. С доворотом корпуса перевел блок в лап сао — захват запястья, рванул паренька на себя и вбил ребро левой ладони, до того занимавшей защитное положение у подбородка, противнику в верхнюю губу, одновременно обрушив топчущий удар правой ступней на бедро. Тут же увел левую руку на контроль левой конечности оппонента, отпустил его запястье и вцепил правый чунцюань ему в нос, совместив касание с постановкой правой ноги на пол. Получилось хорошо, одним слитным движением, с вложением массы и энергии поворота, но

в последний момент, сообразив, что заканчивать потеху еще рановато, я превратил нокаутирующую плюху в легкий щелчок — чтобы юшка потекла, но хрящ не сломался. Наиклассическая техника винчун, совмещающая блок-захват с одновременными ударами на разных уровнях. Паренек, к слову, опомнился достаточно быстро — рухнул на землю и откатился, отделавшись отсушенным бедром и расплюснутым носом. Разорвав дистанцию, он вскочил на ноги и застыл в оборонительной стойке, разом растеряв всю спесь.

В отличие от него я старался двигаться слитно, без фиксации в конце приемов, плавно перетекая из одного положения в другое, усиливая каждый удар поворотом корпуса, а потому без особого труда превзошел его как в скорости, так и в мощи. Знаменитый принцип японских бойцов — «иккэн хисацу», то есть «одним ударом наповал», — я не уважал, предпочитая так называемый overkill — прямо противоположную концепцию, подразумевающую использование как минимум нескольких технических действий для надежной нейтрализации оппонента. На деле это проявлялось в склонности к темповым серийным ударам, мягким блокам с «прилипанием» к конечностям противника и достаточно близкому контакту, исключаящему разудалое «ногомашество». Стиль, которым я воспользовался в описанном выше эпизоде, такой манере соответствовал как нельзя лучше. К тому же оказался сюрпризом для моего сегодняшнего соперника, привыкшего за первый раунд к совсем иному рисунку боя.

На местном подпольном ринге сложилась довольно забавная традиция — поединок состоял из двух обязательных частей: показательной и серьезной, до нокаута. На показуху отводилось три минуты, последующий же жесткий махач ограничений по времени не имел — оппоненты вольны были мутузить друг друга до полной отключки одного из них. Что удивительно, обе составляющие боев без правил были одинаково любимы зрителями. В первом раунде бойцы показывали уровень владения телом, выдавая сложнейшие техники и не опасаясь при этом отправиться в нокаут, разве что случайно — «вырубить» оппонента в первой трехминутке считалось моветоном. Во втором же отрезке им приходилось демонстрировать мастерство — и тут зрелищности добавляли

расквашенные носы, рассечения, обширные гематомы и очень часто переломы конечностей, ибо никакого защитного снаряжения правилами не предусматривалось. Не возбранялось даже осознанно калечить противника, правда, жестокость обычно общественностью порицалась, вплоть до отлучения от боев, так что по-настоящему кровавые поединки случались нечасто — если только кто-то из бойцов знал, что больше на ринг не выйдет. Впрочем, сегодня не тот случай. Все, что мне нужно, — выплеснуть излишек агрессии, подспудно копившейся уже почти три недели, да по возможности немного заработать. У оппонента мотивы примерно такие же, хотя психику ему столь варварским способом восстанавливать вряд ли придется. А может, он адреналиновый наркоман — тоже достаточно часто встречаются. В общем, калечить друг друга нам было не с руки.

Первый раунд прошел на ура — мой оппонент оказался довольно квалифицированным кикбоксером, телом владел почти в совершенстве и удивил благодарную публику великолепной прыжковой техникой. Я ему раскрывать талант не мешал, даже подыграл, выдав пару ударов типа «нога-вихрь» — китайских аналогов «торнадо», серию «вертушек» и продемонстрировав основы чанцюань. Толпа вокруг бесновалась и свистела, «жуки» из местной игорной мафии сновали от одного клиента к другому, принимая ставки, а мы упражнялись в изошренных «танцах», старательно сдерживая силу в случае промаха соперника. Наконец прозвучал гонг, и рефери — пухлый громила с лоснящейся черной физиономией — вклинился между нами, разводя нас в стороны. По довольной роже Джамаля (насколько я знал, дальние предки судьи происходили из Северной Африки, и был он, что называется, мавр) я понял, что он впечатлен. А это, в свою очередь, означало, что ставки высоки и нам в любом случае достанется богатый куш. Впрочем, особых условий на сегодняшний бой никто из заинтересованных лиц не выдвигал, поэтому поединок предполагался честный. Оно и к лучшему, не люблю «ложиться» под всяких левых типов, даже за хорошие деньги. Шустрыка-соперника я оценил и пришел к выводу, что большой проблемой он не станет.

И ошибся, словив ту самую оплеуху в первую же секунду

после гонга — паренек проявил завидную прыть, показав хорошую боксерскую подготовку. Спасло меня от бесславного поражения только то, что он был на добрых десять кило легче и панчером не являлся. А потом я собрался, переломил ход схватки и буквально за несколько мгновений ее завершил. Оправившись от нокдауна, мой оппонент снова атаковал — сначала фронт-киком в корпус, который я отклонил легким движением колена, и сразу же «вертушкой» в голову. Я пригнулся, пропустив ногу над макушкой, и подловил противника на выходе из вращения — с подшагом, да еще и пружинисто разогнувшись, «выстрелил» правой, вбив вертикальный кулак точно пареньку в подбородок, строго в соответствии с теорией «средней линии» винчун-цюань. Этого оказалось достаточно — шустряк рухнул как подкошенный. Толпа взорвалась криками, разбившись на два лагеря: кто-то орал от восторга, а кто-то улюлюкал, недовольный быстрым завершением боя. Но на таких мне было плевать — свою задачу на сегодня я выполнил. Тяжесть в затылке, так досаждавшая на протяжении нескольких последних дней, прошла, а это означало, что еще минимум пару недель мне не придется опасаться очередного приступа. Вернее, приступы-то куда не денутся, но человек, тихо паникующий в собственной берлоге, для окружающих не опасен, а это главное.

— Твоя доля, Поль! — Джамаль суетливо сунул мне в руку пачку купюр разной степени потрепанности — я даже приставившись особо не стал, потом пересчитаю. — Ты сегодня в ударе, может, еще разок в круг выйдешь? Людям понравилось.

Французский у рефери странный, наверняка какой-то локальный диалект, но я уже приноровился к его манере коверкать слова и понимал почти все — стандартный языковой гипнокурс рулит. Понимать-то понимал, а вот ответить так же не мог при всем желании — мой речевой аппарат решительно отказывался воспроизводить все эти «муа-труа». В первые дни еще пытался что-то изобразить, но со столь чудовищным акцентом, что пришлось поставить на этой затее крест. Потому я лишь помотал головой — типа, отвали! — и перешел на интер:

— Джамаль, ты же знаешь — один бой. Так что свободен. Передавай привет Луи.

Рефери в очередной раз скривился — он не оставлял попыток втянуть меня в бизнес с самого моего здесь появления, но я добровольно лезть в кабалу упорно не желал, участвовал в кулачных забавах только по крайней необходимости. Слава богу, заработанных столь сомнительным способом денег на жизнь хватало — при моих-то скромных запросах. Правда, в последнее время я все чаще задумывался о смене места проживания, имея в виду вовсе не комнатуху в захудалой низкопробной гостинице, а планету целиком. С моей удачливостью работа по основной специальности мне здесь не светила — ну кому, на фиг, нужен конфликтолог на Гемини-3, оплоте пиратской вольницы одного из Внешних миров? Тут каждый сам себе конфликтолог, а в качестве основных аргументов в разрешении конфликтов весьма популярны бейсбольные биты и дробовики. И потом, куда лететь? На стольичную планету системы, Гемини-2? Там, конечно, флибустьеров нет, зато в каждой корпорации своя служба безопасности, и шутить эти ребята не любят. В сущности, они от «джентльменов удачи» мало чем отличаются — такая же мафия. А во Внутренних системах мне и вовсе делать нечего — «волчий билет» штука очень неприятная, там меня даже грузчиком в легальную компанию не возьмут. Ну и хрен на них, в конце-то концов! Выкарабкаюсь как-нибудь...

Не глядя сунув деньги в карман джинсов, я хлопнул Джамалью по плечу и неспешно поплелся в раздевалку — для этой цели организаторы использовали тесноватое помещение типа каптерки в блоке стандартных боксов, притулившихся к одной из стен здорового пустующего ангара. Владелец недвижимости получал нехилый откат с боев, поэтому даже не пытался использовать здание по назначению, то есть как склад разнообразной дребедени, что выпускалась на местных предприятиях тяжелой промышленности. Пребывающего в ауте шустряка уже утащили «секунданты», и на ринг вышла новая пара бойцов. Толпа, потеряв ко мне всяческий интерес, расступилась, и вскоре я уже стоял перед жестяным шкафчиком самого затрапезного вида. Поединок на сей раз не затянулся, так что я даже пропотеть как следует не успел.

Обхлопал футболку — выжимать не надо, так сойдет. В отличие от большинства соперников на ринг я выходил одетым — нет никакого желания демонстрировать рваный шрам на полспины, да и форма в последние год-полтора оставляла желать лучшего, кубиков на животе уже давно не видно под слоем жира. Еще не пивное пузо, но и прессом не назовешь. С отвращением натянул носки — к ступням прилипли мельчайшие крошки пенобетона, но с этим неудобством пришлось смириться — и сунул ноги в ботинки из натуральной коричневой кожи, затертой кое-где до белизны. Честно говоря, это единственная дорогая вещь в моем гардеробе — к новой обуви я привыкаю долго, поэтому предпочитаю покупать «бутсы» покачественнее, чтобы один раз разносить и эксплуатировать до упора. То же относительно штанов — признаю только классические джинсы прямого покроя, просторные, удобные и в ходьбе, и в драке. Затаскиваю до дыр и только потом от них избавляюсь. На остальном не заморачиваюсь — покупаю футболки и бельишко пачками, после использования отправляю в утилизатор. Разве что толстовка-«худи» с капюшоном достаточно долго терпит. А чего? Мне по офисам шататься не надо, девок охмурять тоже, а в любую забегаловку в нашем районе меня и так пускают. Там ко всякому привыкли, большинство посетителей и вовсе предпочитают полувоенный стиль. Но это уж увольте, «милитари» ненавижу всеми фибрами души. С некоторых пор...

Взгляд мой случайно наткнулся на отражение в потемневшем зеркале — как оно тут сохранилось, ума не приложу. Красавец, что сказать! На левой скуле ссадина, отчетливо проступившая сквозь густую щетину с медным отливом — ладно не в глаз попал, злыдень, а то с бланшем пришлось бы ходить. Черт, всего-то два дня не брился, а уже как спустившийся с гор абрек. Хорошо, из-за колера не так в глаза бросается.

Кстати, странно — ежик на голове сивый, а бородища почему-то рыжая растет. И у папы с мамой не спросишь, почему так получилось, — далековато они, да и другие нюансы присутствуют. Вот и еще одна причина, почему меня на работу не берут, — слишком уж я выделяюсь на фоне местных со своей рожей типичного рязанского Ваньки. И не сказать,

что страшный, просто для данной местности нехарактерный. Гемини-Прайм — франкоязычный Внешний мир, самый, между прочим, от Метрополии удаленный. И живут здесь в основном афро- и арабофранцузы, европейских кровей мало, в основном «чистые» среди буржуа и аристократии встречаются. Да-да, есть здесь и такие. Это вам не Внутренние системы с демократическим (относительно, конечно) строем, а самая настоящая олигархия — рулят промышленники с Гемини-2. На нашей вшивой планетенке, где людям приходится ютиться под куполами, полезных ископаемых хоть завались. Поэтому производство в основном здесь и сосредоточено, а капитал, наоборот, в столице.

Амьен, кстати, ничего так городишко, номинально — административный центр целого сектора, коих четыре на всю планету. Неприветливая внешняя среда с ядовитой для человека атмосферой заставляет накрывать жилые зоны защитными «пузырями», причем примитивными — никаких силовых полей, один укрепленный пластик, даже не прозрачный. Гемини-3 от местного светила далековато расположена, потому от звезды все равно никакого проку — источники освещения везде искусственные. Этакие фонари-переростки под самой вершиной купола. Света они давали мало, чисто символически разделяя день и ночь. За тот без малого год, что я проторчал на планете, погода, аналогичная серой хмари ненастного утра где-нибудь в средней полосе России, приелась до последней крайности. Лучше уж ночью по улицам шататься, когда все лавчонки и кафешки врубали иллюминацию, да и с фонарными столбами тут полный порядок. Вот как сейчас, например.

За размышлениями я совершенно для себя незаметно добрал до огромных раздвижных ворот ангара, в настоящий момент закрытых, и выбрался через неприметную калитку из относительного тепла — толпа надышала — на вечернюю свежесть. Зябко поежился, запахнув «худу». Псевдосклад выходил торцом прямо на рю де Паскаль, названную именем неизвестного мне местного героя, а вовсе не великого ученого прошлого, как можно было подумать. К центральным улицам она вовсе не относилась, скорее, переулок, затерянный в Пятой промзоне — вот таким незатейливым образом здесь

именовались промышленные районы. Жил я неподалеку, на самой границе Пятой со спальней зоной Эрве Дюбуа. Не спрашивайте, кто он такой, тоже какая-то знаменитость. Вроде бы пиратский капитан, прославившийся непередаваемой жестокостью, к тому же маньяк-садист. И это тоже для Гемини-3 весьма характерно — какие жители, такие и ценности. Особенно моральные. Впрочем, мне сейчас не до исторических изысканий. Хотя бой был и не очень длительный, но энергии я потратил уйму, о чем организм и напоминал зверским голодом. Дома, то бишь в тесной комнатухе на пятом этаже гостиницы тетушки Мари, холодильник пустой, это я точно помнил. В магазин бежать поздно — мелкие уже закрыты, а ближайший супермаркет достаточно далеко, пешком идти задолбаешься, а такси в нашем районе отсутствовало как класс. Прочий общественный транспорт ходить перестал где-то с полчаса назад. Вывод — иду к Люка в забегаловку, у него харчи всегда найдутся. Тем более все равно по пути.

Приняв это судьбоносное решение, я накинул на голову капюшон, сунул руки в карманы толстовки и двинул по тротуару вдоль многочисленных складов в сторону родной Дебиловки — это я так район прозвал для простоты. Аборигены по-русски ни бум-бум, так что никто и не возражал. Шагал без опаски — местным я уже примелькался, и после двух неудачных попыток «щипать» они меня не пытались.

Система 37-й Близнецов (Гемини-Прайм), планета Гемини-3, Амьен, 5 мая 2541 года, вечер

Вывеска со знакомой неоновой надписью «Luca's» встретила меня приветливым льдистым мерцанием. Парковка почти пустая — разве что пара скутеров на электротяге приутилась в самом уголке. Честно говоря, мало кто у нас в районе мог позволить себе кар или тем более глайдер — места мало, под куполом особенно не полетаешь, по этой же причине и улицы узковаты, не покатаешься. Здесь вам не гигантский крытый город, как в лунных кратерах. Поэтому самым популярным транспортом являлись разнообразнейшие представители племени байков — от банальных велосипедов на мышечной тяге до продвинутых чопперов. Всякие «леталки» и внедорожная техника активно эксплуатировалась за

пределами поселения, но там уже своя специфика. А внутри пластикового «пузыря», отделявшего Амьен от агрессивной окружающей среды, народ в основном передвигался на своих двоих либо на общественном транспорте. Скутеры по большому счету вещь статусная, чисто повыпендриваться перед «партнерами по бизнесу» — так здесь обычно называли поделщиков, с излишней, на мой взгляд, политкорректностью.

Стоп, а это что за чудо? Из-за угла капитального строения, бывшего когда-то фабричным корпусом, а теперь, после перепланировки, прибежища подозрительных офисов и не менее подозрительных увеселительных заведений в полуподвальном этаже, выглядывал массивный нос угольно-черного космокатера. Небольшого, чуть крупнее стандартного колесного кара, максимум четырехместного, но тем не менее. Занятно... Кто мог сюда пожаловать на таком красавце? Знаменитый контрабандист, черный археолог или даже какой-нибудь отчаянный пиратский капитан? Наверняка аппарат из корабельного хозяйства, причем такими обычно оснащались достаточно крупные суда, начиная с фрегатов. Только на них есть излишек свободного места для размещения стартового комплекса атмосферных машин. Может, ну его на фиг? Кто знает, что привело такого серьезного человека в нашу глушь? Не хватало еще в заваруху с пальбой угодить... Нет, жрать охота, мочи нет. Чертово пузо, все из-за тебя!

Я затравленно заозирался, не в силах принять какое-то решение, потом сообразил, что это всего лишь очередной приступ, на сей раз достаточно легкий, и облегченно выдохнул. Паника тут же отступила, и я толкнул дверь, напустив на себя самый раздолбайский вид. Машинально пригнулся, столь же привычно ругнув про себя жмота Люка — уж если я со своими метр восемьдесят едва косяки не сшибаю, то что другим делать? Ребят покрупнее меня в округе полно, а место популярное. Неужели до сих пор не объяснили владельцу заведения политику партии? Впрочем, внутри было довольно просторно, что с лихвой компенсировало неудобство входа.

В общем зале пока еще (вернее, уже) свободные места имелись — развлекательная программа закончилась около

часа назад, и теперь в кафешке кучковались лишь озабоченные срочными делами полуночники. Не чета мне, кстати, — мало кто в такое время приходил просто набить брюхо. А вот мне приспичило, понимаешь. Справедливости ради заметим, что не все присутствующие думали только о делах — в самых укромных закутках вдоль стен я засекал несколько влюбленных парочек. А что? По меркам округа кафе Luca's проходило в разряде шикарных заведений — сюда не стыдно и девушку привести. Ладно, отвлекся. Вон вроде бы свободный столик, и расположен удачно — в тупичке у перегородки, что отделяла данс-зону от своеобразного «партера». Мое любимое место, чуть правее, у самой стены, занято — два мутных типа вели переговоры, и сдается мне, что-то у них не ладилось. А, плевать, я сюда перекусить наведался, не резон мне сейчас на профессиональной деформации концентрироваться. Жаль, не получилось развалиться на диванчике с синтетической обивкой «под кожу» — такая роскошь только самым козырным местам положена. Диваны создавали иллюзию отделенности закуртка от остального пространства, потому их так любили влюбленные, пардон за тавтологию. И я, само собой.

С удобством разместившись на мягком стуле, я отыскал взглядом гарсона, и тот чуть ли не моментально материализовался рядом. Застыл белорубашечным изваянием — это Внешний мир, ребята, здесь живой обслуживающий персонал обходится дешевле соответствующей машинерии. Я сначала все никак не мог привыкнуть — разрыв шаблонов после старых планет Федерации приключился нешуточный. Потом пришел к выводу, что это даже в какой-то степени стильно: захудалая забегаловка с живыми официантами, подумать только! Как в лучших домах Лондона. Тушеваться перестал и даже сдружился с Мишелем — он как раз сегодня был на смене, так что в качестве обслуживания я не сомневался. Впрочем, клиент я не привередливый, к тому же сам Мишель уже успел досконально изучить мои вкусы, и сейчас наше общение ограничилось вопросительно вздернутой бровью гарсона и моим кивком. Паренек испарился, ухитрившись не растерять при этом торжественности облика — вроде и быстро идет, но на бег не срывается, это ниже его досто-

инства. Я такой выучки не встречал даже у метрдотелей лучших парижских ресторанов. Были времена, хаживал и по таким местам. Чего уж теперь жалеть...

Чего у заведения Люка не отнять, так это внимания к клиентам и заботы об относительной свежести продуктов. Ясен перец, на Гемини-3 производство сельхозпродукции было в принципе невозможно, ибо себестоимость ее взлетала до небес, но вот вторая планета системы, столица, в этом благом деле преуспела весьма и весьма, обеспечивая свежатинкой все поселения, даже затерянные в астероидном поясе. На внутрисистемные перевозки приходилась лишь малая доля общего грузооборота, доставить замороженную свинину или банальнейшую картошку ближайшим соседям труда не составляло, поэтому синтетикой никто не давился, даже самые нищие, если не сказать бомжеватые, представители местного общества. Разве что морепродуктами я бы не советовал увлекаться, ибо чревато. Сам я далеко не гурман, поэтому традиционно отдавал предпочтение мясу по-французски, запеченному в горшочке с картофелем. Луковый суп, рататуй и прочие изыски не понимал и не принимал, равно как и не разделял любовь франков к сырам с плесенью. Вина же пил все без разбора, безмерно страдая от отсутствия в пределах досягаемости водки. Владелец кафешки, пораженный до глубины души моим кулинарным варварством, самолично пытался посвятить меня в тайна высокой кухни, но вскоре бросил это занятие ввиду его полнейшей бесперспективности.

В ожидании заказа я начал машинально обшаривать взглядом зал и волей-неволей задержался на тех подозрительных типах, что оккупировали мое любимое место. Обстановка за тем столиком помаленьку накалялась, и я присмотрелся к спорщикам внимательнее. Первый, упражнявшийся сейчас в красноречии, интереса не представлял — самый обычный гопник, таких у нас на районе что грязи. Я его даже знал в лицо, но не давал себе труда приветствовать при встрече, впрочем, как и он меня. Мелкий бандюган, бригада в десяток лбов — вот и все, что он мог при случае выставить, даже несерьезно. Скорее всего, занимал какую-то узкую нишу в сложной здешней иерархии, свое место знал, а потому и коп-

тил до сих пор регенерированный воздух Амьена. А вот его визави на завсегда заведение Люка не походил ничуть. Он вообще для нашего захолустья был нетипичен — этакий щеголь средних лет, в строгом черном костюме и с вызывающе бордовым шелковым шарфом, завязанным «английской удавкой». Почему-то именно это диссонирующее сочетание поразило меня больше всего. Ни виднеющиеся из-под обшлаг манжеты белейшей рубашки с дорогими запонками, ни странного дизайна перстни серого металла на пальцах, ни даже элегантная шляпа, покоящаяся на столике рядом с его локтем, не произвели на меня такого впечатления. Впрочем, имелась в его облике еще одна характерная деталь — прислоненная к столешнице изящная трость черного дерева с серебряным набалдашником. Не дешевая пластиковая поделка, а ручная работа — я в таких вещах разбирался. По долгу службы положено. Было.

Черты тоже примечательные — без капли арабской или негроидной крови. Есть нечто выдающее толику южноевропейских корней, в остальном же скорее скандинав, если не славянин: лицо чуть заостренное, щеки худые, губы твердой складкой, волевой подбородок. Глаза темные, отсюда сразу цвет и не определишь. Сам брюнетистый — и шевелюра, и щегольская бородка-эспаньолка, едва обозначенная, но довольно густая. Вот как раз в этом и чувствовался южанин. Понятно, что мужик за внешностью следит — больше тридцати не дашь, если не приглядываться. Но меня не проведешь, глаз наметан. Лет ему где-то тридцать шесть — тридцать восемь, точнее не скажу. Сидел он ко мне чуть боком, но даже в таком положении было видно, что муж сей поджар, но не тощ, что выгодно подчеркивалось кроем шикарного костюма. Ведет себя уверенно — никаких жестов, выдающих нервозность, а тем паче защитных поз. Буравит взглядом оппонента, губы кривятся в легкой презрительной усмешке. И до лампочки ему, что местный ухарь уже кипит, чуть ли не из ушей пар идет — я это даже по затылку видел.

Кстати, налицо банальнейший межличностный конфликт. Не знаю, что они не поделили, но ясно, что выбрали они одинаковую тактику соперничества, упорно игнорируя интересы друг друга: бандос давил авторитетом, не стесняясь

в угрозах, но щеголь твердо стоял на своем, не собираясь уступать ни на йоту, и время от времени давил в ответ. Разговор шел на повышенных тонах, но правильно организованная акустика зала не позволяла различить отдельные слова, только по губам читать, в чем я не спец. А вот типы конфликтных личностей отличались. «Костюмоносец» с бородкой типичный демонстративный тип, в любой сваре чувствует себя как рыба в воде, пренебрежительного отношения к оппоненту не скрывает. А местный гопник — замечательный образчик личности неуправляемой, склонной к агрессии, импульсивной и плюющей на законы общежития. Чем такое взаимодействие чревато, думаю, любому понятно — будет драка, к гадалке не ходи. У бандоса явно в зале была группа поддержки, да хотя бы вон та четверка за соседним столиком. Вели они себя подчеркнуто безучастно, на конфликтующих не смотрели, но по напряженным позам ясно, что ждут чего-то. А вот щеголь вроде бы один. На что он надеется, интересно?

— Ваш заказ, мсье! — Материализовавшийся рядом Мишель отвлек меня от наблюдения, и начало потехи я благополучно пропустил.

Пока я рассматривал доставленный поднос с глиняным горшочком, столовым прибором и бутылочкой красного полусладкого столичного розлива, обстановка за столом переговоров резко накалилась и вылилась в фазу физического противостояния, о чем и возвестил хлесткий удар. Похоже, наподдали чем-то твердым по относительно мягкому. Первая мысль, еще до взгляда, — щеголь врезал бандосу по морде тростью. Мы с Мишелем среагировали одинаково: синхронно повернулись на шум и уставились на потасовку. А та закончилась, не успев толком начаться: обладатель бородки, вытянув шею и отставив назад правую руку с тростью — видимо, для равновесия, — силился рассмотреть оппонента. Тот валялся на полу, о чем свидетельствовали торчащие из-под стола ноги в мощных ботинках, и не подавал признаков жизни. Зато активизировалась та самая подозрительная четверка — парни характерной бандитской внешности повскакивали с мест, прогрохотав стульями, а самый шустрый уже шагнул к «костюмоносецу». Тот угрозы не чувствовал или

притворялся. Скорее второе — я открыл было рот, чтобы предупредить оставшегося в меньшинстве мужика (не люблю, когда четверо на одного), но тот вдруг ловко развернулся, оперевшись на спинку дивана левой рукой, и махнул тростью, приложив шустряка аккуратно в лоб. На сей раз звук получился сочный и какой-то деревянный — видать, мозговая кость у бандюка что твой мореный дуб. Пацанчик рухнул как подкошенный, и щеголь немедленно отмочил еще более крутую штуку: запрыгнул на столик, умудрившись воткнуть лаковые туфли между посудой, упер трость в диванчик, до недавнего времени занимаемый бандосом-переговорщиком, и сделал боковое колесо, благополучно приземлившись за пределами закутка на обе ноги. Не останавливаясь ни на мгновение, рванул к моему столику, прыгнул, проехался спиной по столешнице, сшибив по пути мой поздний ужин, и ушел в перекат, махнув ногами перед носом остолбеневшего Мишеля. Преодолев таким образом преграду, снова по-кошачьи ловко приземлился и помчался к выходу, лавируя между клиентами и пустующей мебелью.

— Мля-а-а-а!.. — только и успел промычать я, пораженный такой наглостью.

Дальше я действовал молча — на разговоры времени не осталось. Хитрый «костюмоносец» не зря извращался с акробатическими трюками: его не блиставшие умом оппоненты неслись бодрыми лосями напрямик, не сразу сообразив, что на пути у них возникло препятствие, и притормозить уже не успевали. Боковым зрением уловив приближение чего-то массивного, я среагировал совершенно машинально, а главное, без участия сознания. В моем случае это означало, что верх взяли вколоченные за много лет боевые рефлексy, и я встретил первого набегавшего мощным прямым правым в грудину, раскорячившись для большей устойчивости в гунбу — «стойке лучника». Прогрохотал опрокинутый стул, скрежетнул сбитый резким движением столик, но я не обратил на это ни малейшего внимания. Чунцюань в классическом «северном» исполнении отшвырнул немаленького детину назад, и он от души приложился в падении затылком об пол, выбыв из схватки. Зато его оставшиеся дружки при виде такого непотребства моментально забыли о сбежавшем ще-

голе и обратили взоры исключительно на меня, юзом развернувшись и застыв в угрожающих позах. А вот это вы зря, ребята! Я и так зол — жрать по-прежнему хочется, — а тут вы. Очень вовремя, козлы! Я не виноват, в общем. Да и адреналин зашкаливает, надо сбросить напряжение.

Бандюки синхронно шагнули ко мне с очевидными намерениями, и я повторил недавний удавшийся трюк: уходя от замаха левого противника, сел в гунбу и в глубоком выпаде достал левым кулаком солнечное сплетение правого. Тот начал сгибаться, хватая ртом воздух. Я немедленно развернулся, поменяв стойку на левостороннюю, и достал правой рукой оставшегося на ногах. Вертикальный кулак жестко врезался в брюшину, перебив дыхание и этому, но я все же добил обоих: ближнему основанием ладони расплющил нос, а дальнего достал высоким сметающим ударом с разворота, в просторечии «вертушкой». Тяжелый ботинок здесь пришелся весьма кстати: ступня обрушилась на многострадальную голову не успевшего прийти в себя пацанчика, заставив того крутануться вокруг собственной оси, оторвав конечности от пола. Выполнив в воздухе вращение на полные триста шестьдесят градусов, незадачливый бандюган со смачным шмяком растянулся на твердом пластиковом покрытии, имитировавшем дубовый паркет. Довершая картину разгрома, рядом тюкнулся затылком первый отоваренный. Я облегченно выдохнул, расслабляясь, и тут кто-то тронул меня за плечо. С огромным трудом остановив кулак в паре миллиметров от носа Мишеля, я сквозь грохот крови в ушах уловил его слова:

— Бегите, Поль!

Проследив направление его взгляда, я от души матюгнулся по-русски: оказывается, у бандоса-переговорщика в зале было куда больше помощников! С разных концов помещения ко мне приближалось еще несколько человек, и разъяренный вид парней не оставлял сомнений в их намерениях. Твою маму! Я столько не вырублю при всем желании! Хорошо хоть выход не перекрыли, олухи. Благодарно хлопнув Мишеля по плечу, я рванул к входной двери, на ходу бросив гарсону:

— В следующий раз расплачусь!

По поводу нанесенного ущерба я не переживал, равно как и насчет мести местечковой банды: Люка подобных заварух в своем заведении органически не переваривал, так что неприятности пацанчикам самим обеспечены. В таких случаях у местных бизнесменов было не принято жаловаться в полицию. Есть и другие рычаги воздействия, в частности банальная «крыша» — не знаю, как она здесь называется, но суть ясна. А мою невиновность подтвердит Мишель. Глядишь, еще за счет заведения пообедать удастся — в качестве компенсации за неудобства.

Адреналиновый выброс еще не прошел, и до выхода я буквально домчался, ловко лавируя между столиками и умудрившись не задеть никого из посетителей. Знакомые вышибалы, с профессиональным любопытством наблюдавшие за дракой — Жорж и Юбер, братья-близнецы с комплексом двустворчатых шкафов, — дружно расступились, придав мне дополнительное ускорение дружескими тычками, и захлопнули дверь у меня за спиной. Теперь все, не уйдут, голубчики! Через черный ход их тоже не выпустят, так что огребут по самое не балуйся.

Оказавшись на свежем воздухе и в относительной безопасности, я слегка притормозил и направился вдоль фасада к ближайшему переулку. Как показала практика — напрасно. Буквально через несколько шагов за спиной у меня материализовались плохо различимые тени, крепкие руки вцепились в мои многострадальные конечности, и кто-то вероломно накинул мне на голову мешок. Этот же «кто-то» врезал по печени, пресекая возможные попытки сопротивления, потом примерно туда же уперлось нечто весьма напоминавшее пистолетный ствол, и меня в полуподвешенном состоянии поволокли в прежнем направлении. Перемещаться таким не самым приятным способом пришлось недалеко: вскоре я услышал шипение пневмопривода откинувшегося люка, и меня бесцеремонно швырнули на заднее сиденье глайдера. Впрочем, оно оказалось мягким, и копчик я не отбил, в отличие от затылка, которым зацепил дверную арку. Еще через пару мгновений аппарат взмыл в воздух, стремительно удаляясь от столь негостеприимного заведения.

*Система 37-й Близнецов (Гемини-Прайм), планета
Гемини-3, Амьен, 5 мая 2541 года, вечер*

В неизвестности я пребывал не более минуты, затем мешок у меня с головы сдернули, и я, ничуть не удивившись, встретился взглядом с тем самым щеголем с бородкой, что так шустро свалил из заведения Люка, втянув заодно меня в неприятности. Глайдер вовсе не являлся таковым: я с относительным комфортом разместился на заднем диванчике давешнего космокатера, прятавшегося в переулке. Да и мешок при ближайшем рассмотрении оказался чехлом с переднего сиденья. По всему выходило, что ребята импровизировали. Их, как я и думал, в салоне было трое: один за штурвалом — я его плохо различил, в основном рассмотрел стриженный затылок, — второй рядом со мной — постоянно лыбящийся худой живчик, — ну и третий — «костюмоносец» с тростью. Ее он, кстати, из рук так и не выпустил — не иначе именно ее набалдашник я принял за пистолетный ствол. Сильны парни! И самое главное, ума не приложу, зачем я им сдался, что печально.

— Испугался? — на безупречном французском поинтересовался щеголь, скривив уголки губ в необидной усмешке. — Ладно, не переживай. Просто я решил, что должен тебе компенсировать загубленный ужин. Не возражаешь, если мы сейчас заглянем в какое-нибудь приличное место?

Я в ответ выгнул бровь в притворном удивлении и мотнул головой — еще бы я возражал! Жрать хотелось по-прежнему.

— Вот и замечательно! — оживился «костюмоносец». — Хосе, давай в «Лебуше Плаза», на помой в той забегаловке даже смотреть было противно.

Я на это заявление никак не отреагировал, но про себя хмыкнул — однако товарищ не из бедных, раз в лучший кабак города собрался чисто перекусить.

Впрочем, его спутников указание босса ничуть не смутило: Хосе уверенно заложил крутой вираж и через несколько секунд посадил катер на закрытой VIP-парковке, куда простым смертным вход заказан. Я в этих краях бывал набегом, пересекая Амьен из конца в конец уже не помню по какой надобности, но после убожества промышленных зон и спа-

льных районов шикарный фасад ресторации, выделявшийся даже на фоне административных зданий, произвел на меня весьма приятное впечатление. Во времена оны я бы в таком заведении с удовольствием посидел разок-другой за кружечкой чая.

К слову, пилот у щеголя классный — на такой скорости в тесноте под куполом мог носиться только настоящий ас, чувствующий машину как собственное тело. Ничего удивительного, с местными драконовскими мерами безопасности никто иной и не получил бы допуск на вождение летательного аппарата внутри защитного «пузыря». Вот и еще один фактик в копилку.

Зашипели приводом откинувшиеся вверх люки, «костюмоносец» одним слитным движением буквально вытек из салона и небрежно оперся на трость. Шляпу он, по всей видимости, забыл в кафешке Люка, но с шарфом не расстался, лишь поправил сбившийся узел и снова одарил меня фирменной ухмылкой:

— Пошли, парень! Я жутко голоден, если честно.

Водила и живчик из машины вылезать явно не собирались, и это еще больше укрепило меня во мнении, что щеголь с бородкой — птица важная. Да и хрен с ним! Когда еще представится случай набить брюхо в таком шикарном месте? Хотя оно, конечно, чревато — уж если в сверхдемократичном заведении старого знакомого в меню обнаружилось прямо-таки смешное количество съедобных блюд, то чего ожидать от храма кулинарии? Изыски, мать их так... Мысленно сплюнув, я с некоторым трудом выпростался из салона — отвык — и застыл в нерешительности: до меня вдруг дошло, что мое облачение не самый лучший вариант для визита в ресторан. «Костюмоносец» мое замешательство расценил правильно: окинув меня внимательным взглядом, он задумчиво щелкнул пальцами и буркнул: «Забей». Я пожал плечами и направился следом за ним — раз зовет, значит, в состоянии разрулить проблему.

Так оно и вышло. У роскошных стеклянных дверей нас встретил не менее роскошный швейцар в самой настоящей ливрее с золотым шитьем, склонился в подобострастном по-

клоне и застыл, схватившись за дверную ручку, но не спеша открывать:

— Мсье?..

Щеголь с бородкой глянул на меня, вопросительно заломив бровь, и я нехотя представился:

— Павел.

— Мсье Поль со мной, — выдал снисходительную улыбку «костюмоносец», и швейцар посчитал вопрос закрытым.

Миновав короткий коридор, в котором я наметанным глазом определил первый контур системы безопасности, мы вышли в огромный круглый зал, уставленный столиками, перемежаемыми перегородками в виде полок с разнообразными растениями в кадках или просто шпалер, увитых плющом. Народу на первый взгляд было не очень много, хотя, скорее всего, редкие кучки посетителей терялись на фоне открывшегося великолепия. В центре помещения возвышалась круглая же сцена, сейчас пустая — но тут много вариантов. Может, мы в перерыв между выступлениями попали, а может, и вовсе шоу-программа закончилась. Да и бог с ней. Хотя любопытно.

Судя по тому коридорчику, о благополучии клиентов здесь заботились качественно: в стенах могло прятаться множество смертоубийственных предметов, начиная с распылителей нервно-паралитического газа и заканчивая огнеметами. Даже странно, что меня пропустили. Вдруг я какой-нибудь террорист-смертник? Бред, джихад уже давно не в моде, да и непохож я на приверженца какого-нибудь радикального учения. У тех, как всем известно, руки по локоть в крови и на губах пена. Да и взгляд безумный, не перепутаешь. Это если не считать «пояса смертника» и нажимной взрывмашинки в потной ладошке. А что? Я серьезно — кино же никогда не врет. Ладно, это уже мои заморочки, последствия психотравмы. Может, когда-нибудь и расскажу, если настроение будет.

«Костюмоносец» уверенно свернул направо, держась в проходе между уютными «нумерами» у стены и более демократичными столиками в стандартных посадочных зонах, и я шагнул следом, всем своим видом показывая, что для меня поход в ресторан в таком виде обычное дело. Хотя стремно на самом-то деле. Все мыслимые нормы этикета нарушаю.

Хуже только в спортивном костюме припереться. Впрочем, моего спутника это совсем не парило, и я решил плыть по течению. Плыть пришлось недолго — мы занырнули в первый же свободный «номер», и мой похититель вальяжно развалился на роскошном диванчике. Небрежным кивком указал на место напротив, и я не стал привередничать — устроился поудобнее и приготовился слушать.

— Сначала сделаем заказ, — покачал в ответ головой «костюмоносец». — Дела подождут.

Рядом с нашим столиком словно из ниоткуда возник гарсон — куда там Мишелю! Рубашка белейшая, аж хрустит от крахмала, бабочка черная, через левую руку полотенце с золотым вензелем LP — красавец! Меню под стать — в обложке из тисненой кожи, с той же самой аббревиатурой. Тяжеленное, етить! Чуть не уронил. Кстати, насчет содержания я угадал — из всего списка более-менее человеческим оказалось все то же мясо по-французски. В винной карте взгляд наткнулся на знакомое название — ага, тот же сорт вина, что давеча попробовать так и не довелось. Ну-ка, надо сравнить. Не заморачиваясь с выговариванием зубодробительных названий, я просто ткнул в соответствующие строчки, и официант меня отлично понял. «Костюмоносец» справился еще быстрее — буркнул: «Мне как всегда». Гарсон поспешно убыл исполнять заказ, но завязывать разговор мы по-прежнему не спешили — блюли хоть какие-то приличия. Развалиться на диванчике я постеснялся, сидел прямо, демонстрируя приобретенную в академии, чтоб ей пусто было, офицерскую выправку — обычно я на это дело плюю с высокой колокольни, но тут место прямо-таки обязывает. А вот мой спутник чувствовал себя в такой обстановке как рыба в воде — откинулся на спинку, закинув руки на затылок, и задумался, насвистывая что-то веселое себе под нос.

Заказ доставили очень быстро, буквально через пять минут. Гарсон водрузил на столик прямо передо мной традиционный глиняный горшочек, поставил откупоренную бутылку того самого красного полусладкого столичного розлива и жестом предложил попробовать. Я пригубил бокал с каплей божественного нектара — именно так, разница с продуктом из заведения Люка просто колоссальная! — и благосклонно

кивнул: все в порядке. Мой спутник тем временем завершил дегустацию собственного заказа и коротко дернул головой. Официант исчез так же незаметно, как и появился, и наш закуток окутался мерцанием аудиополя — «костюмоносец» постарался.

Я запоздало похлопал себя по карманам: черт, так и не удосужился навар пересчитать! Это у Люка я на выигрыш могу месяц запросто столоваться, а здесь может и на мой не самый изысканный и обильный заказ не хватить. Засада...

— Забей! — снова ввернул любимое словечко «костюмоносец», заметив мои метания. — Я угощаю. И вообще, мне кажется, что уже пора познакомиться. А то даже неприлично как-то. Хотя должен признаться, я с тобой заочно знаком. И даже специально искал встречи. Если не ошибаюсь, господин Гаранин?

Я смерил его внимательным взглядом и медленно кивнул.

— Пьер Мишель Виньерон, честь имею! — «Костюмоносец» с притворной серьезностью склонил голову в коротком поклоне и даже изобразил нечто вроде шелчка каблуками — это сидя-то. Впрочем сразу же вернул себе добродушно-уверенный вид. — Ты не удивлен?

— Есть немного, — хмыкнул я, старательно выговаривая французские слова.

— И у тебя нет вопросов? — выгнул бровь тот.

Я пожал плечами — вопросов громадье, но чтобы с чего-то начать, нужно определиться хотя бы с общим направлением беседы. Я с самого начала подозревал нечто подобное, но чтобы мной заинтересовался сам Виньерон! О нем ходили легенды по всей Гемини-Прайм. Чего только людишки не болтали, но большинство сходилось в одном: более удачливого контрабандиста и по совместительству черного археолога (или наоборот, черт его знает) сейчас во Внешних мирах просто нет.

— Я думаю, лучше вам начать, как заинтересованной стороне, — тщательно выбирая выражения, ответил я.

— Н-да, парень, с произношением у тебя проблемы! — поморщился Виньерон и тут же выдал по-русски без малейшего акцента: — Ладно, Павел Алексеевич, поговорим серьезно. Я хочу предложить вам место в моем экипаже.

Ну что, Паша, сбылась мечта идиота?! Хотел выбраться с этой гостеприимной планеты? Так дерзай, шанс сам идет в руки.

— Это немного... неожиданно, я бы сказал, — только и сумел выдавить я в ответ, машинально переходя на родной язык. — Э-э-э... Пьер?

— Петр, — отмахнулся тот. — Михайлович, если настаиваешь. Нечасто здесь можно встретить земляка, так что я привык ценить любую возможность перекинуться словечком с родственной душой. Французы, они такие французы!.. — И смерил меня насмешливым взглядом, мол, как отреагируешь?

Ну и как я мог отреагировать? Вполне стандартно, попросту говоря, челюсть уронил: знаменитый на все Внешние миры Виньерон оказался русским авантюристом! Да за такие сведения любой журналюга душу дьяволу продаст! Видимо, мои внутренние переживания отразились на лице, потому что мой собеседник обреченно вздохнул — видать, не впервой — и пояснил:

— Я действительно Виньерон. Но француз только на одну четверть, по деду со стороны отца. Просто о данном факте биографии не распространяюсь. Здесь, на Гемини, так удобней. Впрочем, кому я объясняю! Ты наверняка на собственной шкуре уже все почувствовал.

Это верно. С законной работой у меня проблемы именно по этой причине: документы гражданина Славянского Союза, характерная внешность и труднопроизносимая для местных фамилия. Имя-то сразу переименовали на свой лад. Плюс очевидная проблема с французским. На Внешних мирах интер распространен меньше, чем во Внутренних системах, — нет особой надобности. Понимают язык международного общения в основном люди, так или иначе связанные с космосом, а таких в любом поселении меньшинство, особенно здесь, на провинциальной Гемини-3. В столице было бы проще, но туда еще добраться надо. И жизнь там куда дороже, что тоже не вариант. Вот и торчу на этой вшивой планетке уже год.

— Так что, ты заинтересован? — напомнил о себе Виньерон.

— Хотелось бы уточнить, а в каком качестве, Петр... э-э-э... Михайлович, вы меня желаете видеть в экипаже?

— Осторожничаешь, — понимающе кивнул потенциальный патрон. — Это правильно. Хорошо хоть удостоверение личности не требуешь. Короче, так: я заинтересован в твоей основной специальности. Мне нужен ксенопсихолог, и твоя специализация как нельзя лучше отвечает требованиям.

— То есть вы собираетесь привлечь меня к не совсем... э-э-э... законной стороне вашей профессиональной деятельности? — в очередной раз удивился я.

— Все нет! — откrestился Виньерон от такого предположения. — Археология — вполне невинное увлечение. Законодательству Внешних миров не противоречит.

— А Федерации?

Пьер в ответ философски пожал плечами, дескать, за ту-пость земных политиков не отвечаю. Впрочем, и тут он формально прав — ни в одном законе нет прямого запрета на раскопки или поиск в космосе, возбраняется лишь транспортировка и распространение находок, минуя государственную Компанию. Именно здесь и кроется подводный камень: любой черный археолог априори еще и контрабандист. А это, как ни крути, уже статья.

— Тогда... э-э-э... есть другие нюансы?

— Так уж и говори: контрабанда! — рассмеялся Виньерон. — Не смейся меня, Паша. Мы во Внешних мирах, здесь это понятие существует лишь на бумаге. Дело насквозь житейское. Я даже больше скажу: партнеры бы меня не поняли, если бы я отказался от столь лакомого куска. Но не переживай, тебе ничем подобным заниматься не придется. Это мои, и только мои, проблемы.

— То есть вы берете меня в экипаж ксенопсихологом.

— В основном.

— И когда же мы пойдем на территорию Тау?

— Не знаю, — огорошил меня Пьер. — Видишь ли, Павел... Я пока что набираю команду специалистов. На будущее, так сказать.

Вот теперь я уже окончательно упустил нить беседы. Если экспедиция во владения наиболее близких к людям (как физиологически, так и ментально) участников Триумvirата —

дело достаточно отдаленной перспективы, то зачем я нужен Виньерону сейчас? Что я должен делать? Торчать на фрегате в качестве балласта? Смысл тогда гробить на меня ресурсы? А ведь еще и жалованье платить... Или он предлагает подписать контракт с открытой датой? А на фига мне это надо? Я как жил впроголодь, так и буду. Ничего не понимаю.

Между тем хитрюга Пьер убедился, что я заглотал наживку, и перешел в атаку:

— Короче, не будем ходить вокруг да около. Я беру тебя в экипаж. Должность хорошая — координатор по работе с пассажирами. Как дипломированный конфликтолог ты подходишь. Проблем с оформлением не будет. Эта деятельность, скажем так, основная, за что ты и будешь получать жалованье. Пассажирские и грузоперевозки у меня все-таки основной род занятий, на жизнь зарабатываю я именно этим, а вовсе не гробокопательством, как многие думают. Археология — это для души. Хобби, просто очень дорогое. Так что в поиске я бываю хорошо если два-три месяца в году. Но, сам понимаешь, именно тогда и понадобятся твои специфические знания и навыки. Плюс мне нужен сопровождающий для ведения переговоров. В гостях я бываю часто, и у разных людей. В том числе и в Азиатском секторе. Не без проблем, сам понимаешь — бизнес есть бизнес. Ты, насколько мне известно, и в этой сфере кое-что соображаешь. Плюс боец не из последних.

— Увольте, — помотал я головой. — Если вы намекаете на мое военное образование, то я вас разочарую: боевик из меня никакой. Стреляю плохо, в тактике не спец. Я больше по части поговорить.

— Придатков к автоматам у меня и без тебя хватает, — отмахнулся Пьер. — Ты можешь постоять за себя в ближнем бою, а зачастую это бывает важнее пальбы из всех стволов. Я видел записи твоих поединков. И в кафешке ты неплохо выступил.

— Так вы специально все это провернули?

Виньерон кивнул.

— Вообще-то разборка в забегаловке твоего друга — чистая импровизация. Как ты думаешь, что я там делал? И как вообще оказался в такой дыре?

Я промолчал, всем своим видом давая понять, что готов выслушать его версию.

— Тот придурок, Хасан, должен был отыскать тебя. Я его нанял. Я же говорил, что специально искал с тобой встречи.

Ага. Значит, дорогой Петр Михайлович имеет доступ к кое-каким секретным досье — иначе как бы он меня вычислил? Я на Гемини-3 о собственном прошлом предпочитал не распространяться, а в открытых источниках информации о моей деятельности до изгнания из рядов доблестных Вооруженных сил Федерации с «волчьим билетом» не найти. Хм. Потенциальный патрон куда серьезнее, чем я думал. И отказать ему будет ой как непросто.

— Хасан решил схалтурить, — продолжил между тем Пьер, — взял задаток и водил меня за нос целых три дня. Сегодня мне это надоело, и я приехал выяснить отношения. Каково же было мое удивление, когда ты сам завалился в забегаловку. Тупой ублюдок не придумал ничего лучше, как потребовать остаток гонорара — типа вот он ты, нашелся. Я, понятное дело, его послал. Дальше ты сам все видел. Я просто не мог упустить столь роскошного шанса проверить тебя в деле. Надеюсь, ты не в обиде?

— По-хорошему, за такое морду бьют, — буркнул я.

— Могу предоставить такую возможность, — тут же расплылся в ухмылке Виньерон. — Если заключим сделку, будешь моим спарринг-партнером. Если пожелаешь, конечно. Ну так как?

— Я должен знать еще что-то?

— Да. В работе координатора есть нюансы, а именно: пассажиры. Контрабандой возят не только грузы.

— Торговля людьми? Без меня.

Вот тут Пьер рассмеялся уже по-настоящему: весело и заразительно. Только мне почему-то было не до смеха. Кое-как успокоившись, он продолжил, смахнув слезы:

— Ну, Паша! Умеешь развеселить потенциального работодателя. Мы в каком веке живем? Торговля людьми, подумать только! Ай, молодец! Даже в разгар Изоляции пираты работорговлей брезговали — невыгодно это. Заложников ради выкупа брали, это да. На самом деле все предельно просто. Понимаешь, некоторым людям иногда нужно переме-

щаться с планеты на планету, причем так, чтобы об этом не знали их... э-э-э... недоброжелатели. И вот тут прихожу на помощь я. Мы перевозим пассажиров, только часть официально, согласно купленным билетам, а часть — тайно. И вот эта конфиденциальность стоит больших денег. Так понятно?

— Абсолютно.

— Я рад, — хмыкнул Пьер. — Человек, занимавший эту должность до последнего времени, по неким причинам пожелал уйти из команды. Я не препятствовал — мотив у него весьма уважительный. А его заместитель парень специфический. Не скажу, что дубоватый, но... Манеры не те. А среди VIP-пассажиров встречаются люди очень разные. И очень важно уметь ладить с любым контингентом. Ты подходишь. Ну как, согласен?

— Мне нужно подумать. Слишком все неожиданно.

— Думай, — покладисто согласился Виньерон. — Пей, ешь и думай. А я пока резюмирую. Итого мне нужен ксенопсихолог, конфликтолог в качестве координатора по работе с пассажирами и надежный человек для деликатных поручений. Ты можешь совместить все эти должности. Сразу оговорюсь, иногда тебе придется делать что-то противоречащее законам. Никакой «мокрухи» — это не твоя задача. Максимум нанесение тяжких телесных при самозащите. Плюс соучастие в контрабанде. За должность координатора я предлагаю тебе фиксированное жалование, хорошее, как на лучших лайнерах. За специфические услуги — бонусы, начисляемые в индивидуальном порядке, по факту. Не обижу. И еще информация к размышлению: Хасан тебя знает, обидел ты его крепко, а у него бригада в десяток лбов плюс покровительство Счастливого Роже. Знаешь такого? Я не сомневался. Пару суток пацанчиков помаринуют в околотке, это я легко организую. Но потом я покину эту гостеприимную планету — дела, знаешь ли. В случае твоего отказа тебе придется разбираться с проблемами самому. Не прими за угрозу.

Разглагольствования Пьера я слушал вполуха, машинально кивал, не забывая жевать, и лихорадочно прокачивал ситуацию. Что тут сказать? Припер он меня к стене прямо-таки мастерски. Очень щедрое предложение — еще одного такого шанса однозначно не будет. С другой стороны, — очевидные

проблемы с законом. Впрочем, я уже и так практически созрел для чего-то подобного, останавливал лишь нездоровый гонор: не опускаться же до положения шестерки в одной из местных банд! Во Внутренних системах мне ничего не светит, кроме карьеры в мафии, а там такие дела крутятся, что волей-неволей в крови замараешься. А здесь вроде ничего такого не требуют, разве что нянькой изредка побыть при Виньероне. Да еще и загадку подлый Пьер подкинул — за какими такими делами ему к Тау переться приспичило? Романтика к тому же. Помнится, в детстве я часто видел себя в мечтах отважным исследователем космоса. Официально не срослось, так, может, теперь повезет? Это все плюсы. Минус один, но офигительно большой — неприятности с местными бандосами. В любом случае из города придется сваливать. С еще менее благоприятными перспективами. Дилемма...

Обуреваемый тяжкими мыслями, я соскреб со дна горшочка остатки мяса, закинул в рот и тщательно прожевал, оттягивая момент принятия решения. Однако тянуть до бесконечности смысла не было, и я произнес ровно одно слово:

— Согласен.

Система 37-й Близнецов (Гемини-Прайм), планета Гемини-3, Амьен, 6 мая 2541 года, ночь

Обшарпанная подъездная дверь с тяжелым скрипом утонула в боковой стене, и я шагнул в тамбур, как и множество раз до этого. Гостиница тетушки Мари не поражала ни комфортом, ни качеством обслуживания, но надежно запертый вход и сонный охранник в вестибюле первого этажа стоили тех денег, что она драла за мой тесный номерок полулюкс. К данной категории его позволяло отнести наличие санузла, душевой кабинки и кухоньки, отделенной от спальной зоны пластиковой перегородкой. Правда, автоматическая мультитарка периодически глючила, пока я не натравил на нее Попрыгунчика. Тот моментально прочистил ей «мозги», и теперь от машины иногда удавалось добиться даже вменяемых пельменей, а не только специфических французских яств. Впрочем, куда чаще я ее использовал в качестве банальнейшей микроволновки — подогреть полуфабрикаты из супермарке-

та. Н-да, а холодильник-то пустой! Пьер был так любезен, что подбросил меня до дома на катере, а про поход в магазин я благополучно забыл. Тьфу!

Лифт не работал — как и всегда, собственно, — а потому я уныло поплелся к лестнице, традиционно проложенной вдоль внешней стены здания и отделенной от длинных коридоров прозрачными дверями из дешевого пластика. Постояльцы тетюшки Мари в большинстве своем не отличались высоким культурным уровнем, а потому не стеснялись сплевывать прямо на ступени, сорить пеплом где попало, а чахлый фикус, невесть каким чудом затесавшийся на лестничную площадку между вторым и третьим этажами, давно уже пропитался никотином насквозь — сомнительно, что в его кадке кроме окурков было хоть что-то еще. Я подозревал, что нижний слой бычков постепенно перегнил, образовав компост, и только это спасало растение от полной и безоговорочной гибели.

Пятый этаж считался непрестижным — подниматься каждый день задолбаешься, а лифт чинить хозяйка принципиально отказывалась. Вернее, не отказывалась, но грозила стоимость ремонта распределить между жильцами. Смета же оказалась такова, что все постояльцы, особенно обитатели нижних этажей, единодушно от этой затеи откредитовались. Только по этой причине мне удалось заполучить относительно комфортное жилье по весьма умеренной цене. Плюс ко всему половина номеров пустовала, а в остальных обитали люди достаточно приличные — по ночам не орала, мордобою не устраивали, с разговорами не лезли. Лучшего и желать было нечего, потому я и торчал в этом гостеприимном доме уже больше полугода, до того помывавшись по общагам и съемным хатам. От добра добра не ищут, как говорится.

Еще одним плюсом номера была относительно целая и крепкая мебель, да и встроенная техника худо-бедно функционировала. Например, укрепленная дверь с кодовым замком. Не бог весть что, однако ж просто так в помещение не влезешь, нужно заморачиваться со спецоборудованием, а кому это надо? Зато не страшно свое невеликое имущество дома оставлять. Хотя из скарба у меня по-настоящему цен-

ная лишь одна вещь — выполненный на заказ мобильный терминал, в котором живет Попрыгунчик.

В отличие от подъездной двери моего номера не скрипела. Оказавшись в прихожей, я щелкнул пальцами, активируя в комнате ночник — не люблю яркий свет в жилище, — кое-как содрал с ног ботинки, забросил на вешалку толстовку и добрал до большой двуспальной кровати, по пути не забыв приветственно кивнуть статуэтке улыбающегося Будды на подставке в углу. У его раскоряченных в позе лотоса ног валялись остатки курительных палочек — забыл с утра потушить, и они благополучно дотлели сами. Хорошо хоть противопожарная система не сработала.

Рухнув на широкое ложе, я потянулся до хруста в суставах и сладко зевнул — настроение было на удивление прекрасным. Видимо, организм предвкушал скорые перемены, а потому несколько возбудился. Спать не очень хотелось, несмотря на зевоту и позднее время, и я скосил взгляд на прикроватный столик. Над планшетником мерно подпрыгивал голографический шарик, сотканный из мириад мельчайших звезд, — кроме материала, он ничем не отличался от обычного мячика и полностью имитировал его поведение: точно так же деформировался в месте касания дисплея и распрямлялся в полете. Разве что амплитуда скачков со временем не уменьшалась, выдавая происхождение игрушки. Ага, Попрыгунчик спит, значит. Придется его потревожить.

Я лениво махнул рукой, сбив шарик с траектории, и сгреб компьютер с тумбочки. Псевдомячик тут же растаял, рассыпавшись роем искорок. На «доске» мобильного терминала протаял дисплей. Вместо заставки по экрану метался теперь уже двумерный дубликат звездной сферы — не знаю, почему Попрыгунчик так привержен этой форме интерфейса, но имя свое получил заслуженно.

— Доброй ночи, партнер! — поприветствовал я обитателя виртуальности.

Шарик на дисплее за неуловимый миг преобразился в карикатурное лицо типичного представителя расы Тау: вытянутый клин с узкой щелью рта, верхняя губа, незаметно переходящая в переносицу, а затем и в массивные надбровные дуги, парные обонятельные отверстия у основания «носа» и

чуть вытянутые глаза, кажущиеся более узкими, чем есть на самом деле, из-за высоких костистых скул. Вообще, физиономия вызывала странную ассоциацию с рыбьей головой, наверное, как раз из-за глубоко посаженных гляделок. Забавный атавизм, доставшийся от дальних предков-амфибий. Еще один привет от пращуров — совершенно атрофировавшиеся жаберные щели прямо под челюстью, у взрослой особи больше похожие на встроенную стиральную доску, какие были в ходу в глубокой древности. Я их в музее видел, так что знаю, о чем говорю.

— Обильной еды, Павел сын Алексея! — не остался в долгу Попрыгунчик.

Ладно хоть так. Раньше он вообще эту фразу на языке оригинала выдавал, вместо буквального перевода. И должен вам сказать, звучало это куда более чудовищно — серия шипений и бульканий с вкраплениями едва различимых на слух знакомых, но дико исковерканных слов. Речевой аппарат Тау устроен сложнее человеческого и приспособлен к воспроизведению куда большего количества звуков, а слух различает звуковые колебания в более широком диапазоне. И не только слух. Вместо волос у представителей этой расы на голове впечатляющая грива почти прозрачных вибрисс, предназначенных для той же цели, что и уши, — улавливать вибрации среды. По-другому на их материнском мире выжить было проблематично — враждебное окружение, несметное количество хищников и бесконечные войны заставили Тау выработать отменные боевые инстинкты. Отсюда и одна из забавнейших традиций — таурийцы укладывают «волосы» в прическу, только если чувствуют себя в полной безопасности. В противном случае растопыривают вибриссы на манер игл дикобраза. Для непривычного человека зрелище просто фантазмагорическое — этакий одуванчик-переросток с рахитичными руками и ногами, защищенными хитиновыми выростами на бедрах, голених, плечах и предплечьях. Есть еще на брюхе, но их обычно под одеждой не видно. Плюс средний рост два метра — точно неизвестно, но есть предположение, что родная планета Тау несколько «легче» Земли. Предположительно, сила притяжения составляет от 0,85 до 0,9 g. Впрочем, в процессе направленных мутаций каждый

клан выработал оптимальную длину вибрисс, исходя из присущих задач и удобства. Самые короткие «волосы» у представителей воинской касты, самые длинные — у музыкантов. За почти полтора века после Контакта ни один человек так и не освоил их язык в степени достаточной хотя бы для повседневного общения, не говоря уж о диалекте иф-ф'ха, используемом в официальных кругах. И дело тут вовсе не в нашей тупости, просто без технических приспособлений половину слов наше ухо не воспринимает — чуть ли не каждый второй звук уходит либо в инфра-, либо в ультрадиапазон. Без программы-переводчика и компьютера с блоком соответствующей регистрирующей аппаратуры не обойтись. Зато сами Тау без особого труда осваивают интер, разве что акцент забавный, шипящий. Когда-то давно был у меня приятель из их касты дипломатов, пересекались на практике в системе Каледо, он и подарил Попрыгунчика — есть у этого народа традиция, нечто вроде братания с обменом памятными знаками. Я тогда часы отдал, настоящие, механические. Для Тау подобные примитивные устройства в большую диковинку, так что Оскар — это если привести его имя к наиболее удобоваримой форме — был рад несказанно. Отдарился искином ограниченной функциональности, которого я поселил в своем терминале. В корабельную сеть выпускать не решился — так и запалиться недолго. Наши с искусственным интеллектом дел стараются не иметь после известных событий, а Тау на этот счет не парятся — как-то сумели обуздать виртуальный разум и широко его используют абсолютно во всех сферах жизни. За прошедшие три с лишним года мы с Попрыгунчиком успели сдружиться и притереться друг к другу, так что теперь я тоже в нем уверен. Даже предоставляю доступ в Сеть — надо же ему как-то развиваться. А без информации это для искина невозможно. К тому же Оскар меня заверил, что подарочек из моего терминала сбежать не сумеет при всем желании: в код вшита многослойная защита со множеством ограничений. Надо думать, на заре развития технологии искусственного разума Тау тоже столкнулись с его непредсказуемостью и, как следствие, опасностью для окружающих. Вот и озаботились ограничителями.

— Есть работенка, партнер.